

Фраза «день и ночь думал о тебе» заставила грудь Пэй Юйцзэ согреться, и он невольно рассмеялся, лёгким, почти неуловимым смехом, похожим на звон нефритовых подвесок. Затем он достал из-за пазухи предмет, завернутый в шёлковый платок, и протянул его Мэн Чэню.

Развернув ткань, тот увидел нефритовый кулон.

Он был выполнен в насыщенном зелёном цвете, не ярком, но глубоком, как вода в горном озере в сумерках.

Кулон имел форму полумесяца, идеально ровного, будто вырезанного из лунного света. Материал был настолько прозрачным, что, если присмотреться, внутри можно было разглядеть мягкое сияние, медленно переливающееся, словно туман над рекой на рассвете. Когда он лежал на ладони, казалось, будто держишь саму луну, такую же холодную, но прекрасную, застывшую в куске безупречного нефрита.

— Этот нефрит отгоняет злых духов и ядовитые испарения, — сказал Пэй Юйцзэ, и его голос звучал тепло, как солнечный свет после долгой зимы. — Если носить его постоянно, он будет питать тело, укрепляя пути ци. — Он сделал паузу, затем добавил, слегка наклонив голову: — А ещё... когда я увидел его, то сразу подумал, что он идеально тебе подойдёт.

Взгляд Мэн Чэня опустился на кулон. Его пальцы непроизвольно сжались вокруг холодного камня.

Описание Пэй Юйцзэ было простым, но он знал, что перед ним «Куньлуньский хрустальный нефрит». Сырьё для таких артефактов добывали только в священных горах Куньлунь, где энергия неба и земли конденсировалась в жилах драгоценных камней. Даже за тысячу золотых обычный культиватор вряд ли смог бы заполучить кусочек столь высокого качества.

Но дело было не только в материале.

Работа мастера была безупречна, линии полумесяца были плавные, словно нарисованные кистью, а поверхность отполирована до зеркального блеска. Если перевернуть кулон и присмотреться к основанию, можно было разглядеть крошечную гравировку: иероглиф «Чэнь», выполненный столь искусно, что казался естественной частью камня.

Видно было, что в него вложили всю душу.

Пэй Юйцзэ наблюдал за его реакцией, уголки губ приподняты в лёгкой улыбке:

— Нравится?

— Дар старшего брата слишком ценен, — ответил Мэн Чэнь, поднимая глаза. Голос его звучал ровно, но пальцы слегка дрожали. — Я не достоин принять его.

— Между нами разве могут быть такие слова? — Пэй Юйцзэ покачал головой, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на грусть. — Давай я помогу тебе его надеть.

Не дожидаясь ответа, он сделал шаг вперёд, их тени слились в одну. Пальцы Пэй Юйцзэ, тёплые и уверенные, скользнули по шёлковому шнуру, аккуратно закрепив нефритовый полумесяц на поясе Мэн Чэня.

Зелёный камень идеально сочетался с голубыми одеждами. Два оттенка, дополняли друг друга, словно медленно восходящая луна, пойманная между лазурным небом и изумрудным морем.

— Теперь, когда он с тобой, — прошептал Пэй Юйцзэ, его дыхание едва коснулось уха Мэн Чэня, — я могу быть спокоен.

Сумеречный свет постепенно сгущался, окрашивая небо в цвета увядающего пиона. Линия горизонта дрожала, словно колеблемая ветром шёлковая занавесь, а последний луч заката тихо угас, оставив после себя лишь тёплый отблеск на облаках.

Белоснежный журавль, чьи перья отливали серебром в последних лучах дня, неторопливо влетел во двор резиденции Циксюэ. Сделав широкий круг над каменным садом, он звонко, но негромко, как колокольчик, подвешенный к ветке, дважды прокричал.

Дверь беззвучно открылась, и на пороге появился юноша в голубых одеждах.

Глаза журавля, чёрные, как отполированные камешки, сразу же загорелись. Он взмахнул крыльями, вспорхнул и опустился на плечо Мэн Чэня, осторожно перебирая лапами, чтобы не поцарапать ткань.

Мэн Чэнь поднял руку. В его раскрытой ладони лежал кристально-красный плод, маленький, но сочный, с тонкой кожицей, сквозь которую просвечивала мякоть.

Белый журавль радостно склевал угощение, проглотив его одним махом, затем нежно потёрся длинной шеей о щеку юноши. Ни намёка на ту «надменность и неприступность», о которой шептались ученики секты.

— Ты снова потяжелел, — заметил Мэн Чэнь, чувствуя, как под его пальцами вздымаются и опадают перья. — Опять выклянчивал еду, притворяясь священной птицей?

Этот журавль, которого в секте Тайсюань почитали как «посланца небожителей», внешне вёл себя безупречно — гордо выпрямлял шею, смотрел на подношения учеников свысока и вообще делал вид, что «истинные бессмертные существа не опускаются до мирской пищи».

Только Мэн Чэнь знал правду.

Как только доверчивые ученики, разочарованные его «аскетизмом», уходили, оставляя подношения на камнях, журавль тут же терял всю свою важность. Он подбирал самые лакомые кусочки сладких фруктов, орехов и засахаренных лепестков, и уплетал их с таким видом, будто это был нектар с пиршеств Нефритового императора.

Белая птица замерла. Её круглые глаза расширились, затем она виновато втянула шею, пытаясь спрятать округлившееся брюшко под крылом.

Мэн Чэнь невольно улыбнулся. Он провёл пальцами по гладким перьям на её спине, ощущая под ними тёплое, живое существо.— Ладно, иди.

Журавль неохотно взмахнул крыльями, но перед тем как улететь, ещё несколько раз ткнулся клювом в его шею.

После его отлёта Мэн Чэнь вышел из резиденции Циксюэ.

Утёс Тяньцзи был самой высокой точкой не только одноимённого пика, но и всей секты Тайсюань. Поднявшись сюда ночью, казалось, можно было коснуться звёзд, они висели так низко, что напоминали рассыпанные по чёрному бархату жемчужины.

Воздух здесь был чистым и холодным, наполненным ароматом горных трав. Ветер шевелил полы его одежд, словно невидимые пальцы перебирали шёлковые складки.

Мэн Чэнь подошёл к самому краю. Под ногами зияла тёмная, бездонная, как пасть древнего зверя, бездна.

Он снял нефритовый кулон с пояса.

В лунном свете зелёный камень казался ещё прекраснее. Его внутреннее сияние пульсировало, будто живое, напоминая луну, упавшую с неба прямо в его ладонь.

В прошлой жизни, после того как он носил кулон какое-то время, он с удивлением обнаружил, что изначально изумрудный цвет постепенно стал кроваво-красным, а в глубине камня начали мерцать золотые искры.

Когда он спросил Пэй Юйцзэ, тот улыбнулся своей мягкой улыбкой и объяснил:

— Такова природа Куньлуньского нефрита. Он впитывает энергию неба и земли, трансформируя её для пользы носителя.

Ложь!

На самом деле внутри была запечатан «Шестиглазый Гу» — одно из самых коварных созданий секты Мянью Гу. Крошечный, невидимый невооружённым глазом, он мог годами скрываться в теле жертвы. Активированный особым заклинанием, он становился глазами и ушами хозяина, передавая каждое слово и движение.

Но самое ужасное было не это.

В его прошлой жизни, когда Пэй Юйцзэ «показал» ему правду, тот не просто рассказал о слежке. Он... продемонстрировал.

Сцены. Голоса. Мимолётные выражения лица, которые Мэн Чэнь думал, что никто не видел.

«Ты всегда так мило морщишь нос, когда сосредоточен», — сказал тогда Пэй Юйцзэ, глядя его по волосам, словно хваля послушного питомца.

Мэн Чэнь закрыл глаза. В груди поднялась горькая, как желчь волна тошноты.

Он разжал пальцы.

Зелёная вспышка мелькнула в темноте и исчезла в бездне, не оставив даже эха.

Библиотечный павильон, расположенный на площади Цзинсинь, напоминал гигантскую восьмьярусную пагоду, каждый уровень которой был увенчан изогнутыми крышами с колокольчиками.

Сейчас, несмотря на поздний час, внутри горели сотни ламп, их мягкий свет лился через резные оконные рамы, рисуя на полу сложные узоры.

Ученики сидели за длинными столами, склонившись над книгами. Одни что-то быстро записывали, покусывая кисточки, другие шептались, закрываясь свитками, как щитами.

Мэн Чэнь, не привлекая внимания, поднялся по узкой лестнице на восьмой этаж.

Здесь было тихо и почти темно, лишь у входа горела одинокая лампа, отбрасывающая колеблющиеся тени на лицо дежурного ученика. Тот был одет в синие одежды с вышитые серебром облаками, углубившись в чтение древнего свитка, он не заметил приближение гостя и вздрогнул, когда перед ним возникла фигура. — Старший брат Мэн? — Глаза юноши

округлились. Он поспешно встал, почти роняя свиток. — Что привело вас сюда?

— В последнее время я интересовался методами создания лекарств и пилюль, — ответил Мэн Чэнь, его голос звучал ровно, как поверхность озера в безветренный день. — Но столкнулся с трудностями в исследованиях. Пришёл поискать нужные материалы.

Дежурный — Чжао Цзинчэнь, старший ученик пика Юйхуа, заколебался. Его пальцы сжали край стола.

— Старший брат Мэн... вы же знаете, восьмой этаж доступен только старейшинам и выше.

И не без причины.

Здесь хранились запретные трактаты о ядах, тёмных искусствах и методах, нарушающих естественный порядок вещей. Обычные ученики, особенно с неустойчивым сознанием, могли сойти с ума от одного неосторожного взгляда на такие тексты.

Поэтому патриарх Тайсюань лично установил правило: вход только для избранных, под страхом наказания от Зала Надзора.

— Я понимаю, — Мэн Чэнь достал из рукава письмо. — Но вчера мой учитель, старейшина Чжунли, велел мне найти «Заметки о Семизвёздном яде». Я обыскал все семь этажей, но безуспешно.

Чжао Цзинчэнь взял письмо, изучая каждый иероглиф. Печать старейшины была подлинной, но...

— Но такого ещё не было, — пробормотал он, возвращая письмо.

Мэн Чэнь слегка наклонил голову:

— Хотите, чтобы учитель передал вам голосовое сообщение?

Чжао Цзинчэнь побледнел.

Личное послание от старейшины Чжунли?!

Нет уж, лучше не надо!

К тому же перед ним стоял Мэн Чэнь — образцовый ученик, чья культивация уже достигла уровня становления души. Да и кто осмелится подделать печать старейшины?

— Нет необходимости беспокоить вашего учителя, — поспешно сказал он, разблокируя дверь особым заклинанием. — Но... пожалуйста, читайте только здесь. Выносить книги нельзя.

— Благодарю, — кивнул Мэн Чэнь.

С лампой в руке он прошёл между рядами древних с потрескавшимися от времени переплетами фолиантов. Наконец его взгляд упал на чёрный свиток с потускневшими золотыми буквами.

Но это были не «Заметки о Семизвёздном яде», а «Записи о Покрывающем Небо и Поддерживающем Землю» — трактат о формированиях. Мэн Чэнь быстро нашёл нужную главу. Его глаза пробежали по строчкам, запоминая каждую деталь, каждую схему.

Через полчаса он вернул книгу на место и вышел.

На нижних этажах студенты, готовясь к ежемесячному экзамену, создавали шум, похожий на жужжание встревоженного улья.

В отличие от более снисходительных сект, Тайсюань славился строгостью. Дважды в месяц ученики проходили испытания и те, кто проваливался, получали «дополнительные практики»: прополку трав, чистку клеток духовных зверей или уборку в задних горах.

Мэн Чэнь уже собирался уйти, когда заметил знакомую фигуру у окна.

Сюэ Лан сидел, развалившись на стуле, его поза кричала «мне плевать». В руке он небрежно держал свиток, но взгляд его блуждал где-то далеко.

Окружающие ученики бросали на него завистливые взгляды.

Мэн Чэнь подошёл и сел напротив.

— Ты... — Сюэ Лан вздрогнул так, что чуть не упал со стула. — Когда ты здесь появился?!

— Только что, — Мэн Чэнь взял книгу, которую тот «читал». — «Тринадцать мечей пугающего ветра»? Ты уже освоил «Руководство по мечу Тайсюань», которое я тебе дал?

— Конечно, — Сюэ Лан фыркнул, но его пальцы нервно постукивали по столу.

— Тогда, возможно, тебе стоит обратить внимание на другую книгу, — Мэн Чэнь встал и через минуту вернулся с томом толщиной в кирпич. — «Основные правила Тайсюань». Новые ученики, прошедшие испытания, должны сдать их наизусть вместе с экзаменом.

Лицо Сюэ Лана исказилось.

— Сколько... страниц?

— Всего тысяча триста двадцать восемь, — ответил Мэн Чэнь. — Если не спать, можно успеть за сутки.

Сюэ Лан с глухим стуком уронил голову на стол.

<http://bllate.org/book/14626/1297698>